

ИЗБРАННАЯ ПОЭЗИЯ

**ГЕОРГИЙ
ИВАНОВ**

ymca-press

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Составитель Ю.М. Кублановский

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris

Обложка работы А. Ракузина
(использована гравюра О. Бердслея)

ISBN 2-85065-103-6
© 1987 Ymca-Press

111 den 12200 H. om 12

ГОЛОС, ОБРЕТЕННЫЙ ОТ СКОРБИ

Ранняя, столь впоследствии не ценимая автором, лирика Георгия Иванова — нечто среднеарифметическое Серебряного века нашей поэзии. Словесность изящная, как и культура в целом, вдруг вздохнула, освобождаясь от провинциальности позитивистской эпохи, от социального и морального террора утилитарно-политической критики. *Jugend Stil*, правда, лишь отчасти покрывавший разнороднейшие тенденции новейшей культурной жизни, придавая ей, однако, единство, — породил свой эклектичный синтез, в чем тигеле сплавлялись языческие стилизации и символизм, некрасовская народность и мироискусническая рокайльность, православная христианская тема и эстетизм.

Младший в блестящей плеяде поэтов-современников, Иванов, вбирая столь разнонаправленные духовные линии — во времена, когда грамотная версификация гармонии была делом таким же привычным, как ныне разложение формы, — создал весьма обаятельную поэзию. Ранний лиризм Иванова, в сущности, ни к чему не обязывает, щемящее великолепие некоторых его строк ("Я не любим никем! Пустая осень!") — как правило опосредовано литературностью. Александр Блок, более укорененный в "комплексах" отечественной поэзии, а вернее, в отношении российского литератора

к "задачам" творчества, всматривался в такие тенденции настороженно (см. его замечание о "Венеции" Мандельштама, критику акмеизма, отзыв о том же Иванове).

В своем зрительном ряде эго-футуристическое мироискусничество Иванова, пожалуй, запаздывало на десять лет, хотя аналог его ранним образам (сборники "Горница", "Вереск" и т.п.; не будем забывать, правда, что их писал всего лишь двадцатилетний автор) — лучше искать в книжной графике 10-х гг. и в круге "Голубой Розы". Их виньеточность, визионерство все же очаровательны: "Вздыхает рослый арлекин. Задира получает вызов, / Спешат влюбленные в ладье — скользить в таинственную даль... / О, подражатели Ватто, переодетые в маркизов, — / Дворяне русские, — люблю ваш доморощенный Версаль".

В Первую мировую войну, как и подобает впитывающей из воздуха губке, в pendant Ф. Сологубу, Иванов отдает дань патриотической барабанной поэзии, трагикомично смыкаясь с тогдашними обывателями: "О твердость, о мудрость прекрасная / Родимой страны! / Какая уверенность ясная / В исходе войны!" — Нам бы теперь задним числом такую уверенность...

Революция, как ни странно, не пробудила ивановскую музу от общеэстетической спячки, хотя и была для него, конечно, остепляющим болевым шоком. Лишь впоследствии — на чужбине — боль эта, преобразившись в неизбывную скорбь, — стала его постоянным творческим импульсом. Именно в ней, непрестанной скорби, обрел Иванов свое подлинное литературное право.

То есть — чего не удалось революции, сделала эмиграция: подобно властному посоху, она пробила

в суховатой бутафорской скале его творчества ключ поразительной силы, а часто — и чистоты, стала формообразующей категорией и плодотворной закваской его зрелого пронзительного лиризма.

Вся вторая половина 20-х гг. (и тут интересная параллель с Ахматовой и Мандельштамом) — для Иванова период молчания, накопления музыки, вдруг неожиданно захлестывающей нас в сборнике "Розы" (1930 г.): "Все другое только музыка, / Отражение, колдовство — / Или синее, холодное / Бесконечное, бесплодное / Мировое торжество".

Случай Иванова уникален: благодаря эмиграции у него прорезался голос, захватывающий, подлинный и глубокий, а по силе непосредственного воздействия — сопоставимый с русским романсом; вот строки, над которыми разрыдался б, верно, Ап. Григорьев:

Черная кровь из открытых жил,
И ангел, как птица, крылья сложил...

Это было на слабом, весеннем льду
В девятьсот двадцатом году.

Дай мне руку, иначе я упаду —
Так скользко на этом льду.

Иванов безоглядно отказывается от героизма или хотя бы бравады: скорбь, слабость, лепет, "слеза", щемящесть мига — контрапункты его эмигрантской лирики. Конкретное мастерство становится незаметным, скупость, а то и банальность словаря и средств выражения приносят в стихи такую непосредственность и обнаженность чувства, каких русская лира еще не знала. Это лепетное, два раза повторенное "льду", эта четкая временная

отметина — весна "в девятьсот двадцатом году", наконец, сама столь необычная для мужчины просьба поддержать на скользком — феноменально взаимодействуют с другими стихами "Роз", с вдруг страшными и изощренными в своем сопоставлении образами: "Так черные ангелы медленно падали в мрак, / Так черною тенью Титаник клонился ко дну..."

Столь частый в книге эпитет "черный" в сочетании с ее названием и временем действия многих пьес — сумерками, закатом, — аллюзируют с блоковским: "Я послал тебе черную розу в бокале / Золотого, как небо, Ай".

...Мощь лирической откровенности Г.Иванова такова, что происходит подлинное преобразование слова, образа, ритмики — всех составных лиризма. Практически исчезают повествование, сюжетные связки, вся поясняющая словесная каша, — остается лишь перл возникшего образа, лирика в чистом виде. Лучшие ивановские стихи лишены всякой натуги, преднамеренности и охорашивающейся позы. Проглатывается ком в горле, выдох — вот и "готово" стихотворение. Простота — сгусток преодоленной сложности.

Собственно, "по-детски" проста и сама философия Г.Иванова: чем хуже — тем лучше, назло вам всем и Богу в особенности, раз нет России — ничего и не надо. Эта глубочайшая "наивная" уязвленность придает Иванову особо честную и драматичную подлинность:

Я верю не в непобедимость зла,
А только в неизбежность поражения,

Не в музыку, что жизнь мою сожгла,
А в пепел, что остался от сожженья.

На таком "символе веры", естественно, не продержишься. Личности Иванова (это особенно заметно по его прозе) свойственен определенный перманентный распад, его духовность двусмысленна. В тоталитарном мире Мандельштам хоть и сходил с ума, но как поэт... мобилизовался, как личность, вставшая на путь крестный, — креп. Не то Иванов, его лирика, чем дальше, тем больше, не вылезала из духовной агонии. Верхнее "до", столь безоглядно взятое в 30-е гг., стало подчас срываться. Кое-где начинает преобладать сентимент, выпадающий за границу поэзии. Но и на этом пути порой рождается несравненное:

Расстреливают палачи
Невинных в мировой ночи —
Не обращай вниманья.
Гляди в холодное ничто,
В сияньи постигая то,
Что выше пониманья.

Так Иванов приходит к экзистенциальному противостоянию Року и одновременно ищет традиционного "хлеба" отечественного искусства: пишет стихи о Соловецком концлагере, блестящий стихотворный памфлет на смерть Сталина. Искушенный в "декадентской отраве", он признает даже и правоту передвижника (стихотворение "Летний вечер прозрачный и грузный", конец 40-х гг.). Нижеследующие строки Иванова поразительно соотносятся с неизвестным ему, конечно, образом из позднего Мандельштама: "Я не хочу быть куклой восковой, / Добычей плесени, червей и тленья" — ср. с мандельштамовским "Не мучнистой бабочкою белой / В землю я заемный прах верну".

... Эта переключка метаморфоз двух давно разделенных друзей юности — одного, уже давно сгинувшего в гулаговском государстве, и другого, нище доживающего в изгнании — драматична и знаменательна. В постреволюционной судьбе обрели они и смерть "первую" (смерть целого комплекса мировоззренческих и эстетических представлений), и — второе дыхание, обрыв эпохи вывел их на новые рубежи.

И не "белый ли ад" концлагеря причудливо преломился в реквиемной строфе еще 30-х гг.:

Тише, тише. За полярным кругом
Спят, не разнимая рук,
С верным другом, с неразлучным другом,
С мертвым другом мертвый друг.

Бездонность ассоциативных рядов позднего Мандельштама Иванову недоступна, но трагизм, диктовавший "Мы с тобой на кухне посидим", трагизм, рождающий запредельную простоту, — был и в его поэтическом сердце тоже...

Вот еще "Отрывок" Иванова середины 40-х:

Упал крестоносец средь копий и дыма,
Упал, не увидев Иерусалима.

У сердца прижата стальная перчатка,
И на ухо шепчет ему лихорадка:

Зароют, зароют в глубокую яму,
Забудешь, забудешь Прекрасную Даму,

Забудешь все Божье и все человеческое...
И львиное сердце дрожит как овечье.

Классический образ "рыцаря печального образа", восходящий у нас к Пушкину и Жуковскому, претер-

пекает тут жуткое изменение: религиозной буколке у Иванова уже не находится места. Отсутствие в его метафизике положительного органического начала ядовито, но сила подлинной поэзии такова, что и этот яд, может стать, целебен.

И не таким ли "не увидевшим Иерусалима" рыцарем был и сам поэт? "Хорошо, что никого, / Хорошо, что ничего", — язвительно писал он, но и его трепетавшее "по-овечьи" сердце — заклано жертвенно на грозном алтаре XX века.

Георгий Владимирович Иванов родился под Ковно (Каунас) 29 октября 1894 года (по ст. с.). Учился в Кадетском корпусе в Петербурге. До революции опубликованы четыре сборника его лирики; наиболее значительным следует признать, очевидно, "Вереск" (Москва-Петроград, 1916).

Эмигрировал в 1921 году и с тех пор, в основном, жил во Франции — в Париже и на юге.

Прижизненно, на чужбине — у Иванова вышло шесть стихотворных книг, из которых главные: "Розы", 1931, Париж, "Отплытие на остров Цитеру", 1937 г., Берлин (так же назывался и первый эгофутуристический сборник восемнадцатилетнего поэта, С.-Пб., 1912), "Портрет без сходства", 1950, Париж.

Сборник "Стихи" 1958, Нью-Йорк, увидел свет уже после смерти автора, последовавшей 27 августа 1958 г. в старческом доме в Йер-ле-Пальме.

Похоронен поэт на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа под Парижем.

Вышеприведенные данные взяты нами из "Собрания стихотворений" Георгия Иванова, Jal-Verlag, Würzburg, 1975.

Юрий Кублановский

I.

1914 — 1922

* * *

В небе над дымными долами
Вечер растаял давно,
Тихо закатное полымя
Пало на синее дно.

Тусклое золото месяца
Голые ветки кропит.
Сердцу спокойному грезится
Белый, неведомый скит.

Выйдет святая затворница,
Небом укажет пути.
Небо, что светлая горница,
Долго ль его перейти!

* * *

Я не любим никем! Пустая осень!
Нагие ветки средь лимонной мглы.
А за киотом дряхлые колосья
Висят пропылены и тяжелы.

Я ненавижу полумглу сырую
Осенних чувств и бред гоню, как сон.
Я щеточкою ногти полирую
И слушаю старинный полифон.

Фальшивит нежно музыка глухая
О счастии несбыточных людей
У озера, где, вод не колыхая,
Скользят стада бездушных лебедей.

КНИЖНЫЕ УКРАШЕНИЯ

1.

Петр в Голландии

Анне Ахматовой

На грубой синеве крутые облака
И парусных снастей под ними лес узорный.
Стучит плетеный хлыст о кожу башмака,
Прищурен глаз. Другой — прижат к трубе подзорной.

Немного поотдаля веселый ротозей,
Спешащий куафер, гуляющая дама.
А книзу у воды — таверна "Трех Друзей",
Где стекла пестрые с гербами Амстердама.

Знакомы так и верфь, и кубок костяной
В руках сановника, принесшего напиток,
Что нужно ли читать по небу развитой
Меж труб и гениев колеблющийся свиток?

2.

На лейпцигской раскрашенной гравюре
Седой пастух у дремлющего стада,
Ряд облаков — следы недавней бури —
И ветхая церковная ограда.

Направо — триумфальные ворота,
Где зелень разрушения повисла;
Какая-то Луиза иль Шарлота
Через них несет, склонившись, коромысла.

За аркой — светлая блестит речонка,
Осенена старинными дубами,
И детская игривая ручонка
Резвится с золотистыми струями.

А дальше — пахота. Волы и плуги...
Под котелком потрескивает хворост.
Врезая дерн зеленый и упругий,
Проводит пахарь ряд глубоких борозд.

И путник, шествуя дорогой голой,
На фоне дали серо-синеватой,
Чернеет шляпою широкополой,
Размахивает палкой суковатой.

3.

Какая-то мечтательная леди
Теперь глядит в широкое окно.
И локоны у ней желтее меди,
Румянами лицо оттенено.

Колеблется ее индийский веер,
Белеет мех — ангорская коза.
Устремлены задумчиво на север
Ее большие лживые глаза.

В окне — закат роняет пепел серый
На тополя, кустарники и мхи...
А я стою у двери за портьерой,
Вдыхая старомодные духи...

4.

Ваза с фруктами

Тяжелый виноград, и яблоки, и сливы —
Их очертания отчетливо нежны —
Все оттушованы старательно отливов,
Все жилки тонкие под кожицей видны.

Над грушами лежит разрезанная дыня,
Гранаты смуглые сгрудились перед ней;
Огромный ананас кичливо посредине
Венчает вазу всю короною своей.

Ту вазу, вьющимся украшенную хмелем,
Ваяла эллина живая простота:
Лишь у подножия к пастушеским свирелям
Прижаты мальчиков спокойные уста.

5.

Заставка

Венецианское зеркало старинное,
Вкруг фарфоровыми розами увитое...
Что за мальчик с улыбкою невинною
Расправляет крылышки глянцевитые

Перед ним? Не трудно проказливого
Узнать Купидона милого, —
Это он ранил юношу опасливого,
Как ни плакал тот, как ни просил его.

Юноша лежит, стрелою раненный,
Девушка напротив — улыбается.
Оба — любовью отуманены...
Розы над ними сгибаются.

* * *

Письмо в конверте с красной прокладкой
Меня пронзило печалью сладкой.

Я снова вижу ваш взор величавый,
Ленивый голос, волос курчавый.

Залита солнцем большая мансарда,
Ваш лик в сияньи, как лик Леонардо.

И том Платона развернут пред вами,
И воздух полон золотыми словами.

Всегда ношу я боль ожиданья,
Всегда томлюсь, ожидая свиданья.

И вот теперь целую украдкой
Письмо в конверте с красной прокладкой.

ЗИМНИЕ ПРАЗДНИКИ

Геorgию Адамовичу

...у Спаса, у Евфимия —
Звонят колокола...

М. Кузмин.

1.

Сочельник

Вечер гаснет морозный и мирный,
Все темнее хрусталь синевы.
Скоро с ладаном, златом и смирной
Выйдут встретить Младенца волхвы.

Обойдут задремавшую землю
С тихим пением три короля.
И, напеву священному внемля,
Кровь и ужас забудет земля.

И в окопах усталые люди
На мгновенье поверят мечте
О нетленном и благодном чуде,
О сошедшем на землю Христе.

Может быть, замолчит канонада
В эту ночь и притихнет война.
Словно в кущах Господнего сада,
Очарует сердца тишина.

Ясным миром, нетленной любовью
Над смятенной повеет землей,
И поля, окропленные кровью,
Легкий снег запушит белизной!

2.

Рождество в скиту

Ушла уже за ельники,
Светлее янтаря,
Морозного сочельника
Холодная заря.
Встречаем мы, отшельники,
Рождение Царя.

Белы снега привольные
Над мерзлою травой,
И руки богомольные
Со свечкой восковой.
С небесным звоном — дальние
Сливают голос свой.

О всех, кто в море плавает,
Сражается в бою,
О всех, кто лег со славою
За родину свою, —
Смиренно-величавую
Молитву пропою.

Пусть враг во тьме находится
И меч иступит свой,
А наше войско — водится
Господнею рукой.
Погибших, Богородица,
Спаси и упокой.

Победная и грозная,
Да будет рать свята...
Поем — а небо звездное
Сияет — даль чиста.
Спокойна ночь морозная, —
Христова красота!

3.

М. Кузмину

Благословенные морозы
Крещенские, настали вы.
На окнах — ледяные розы,
И крепче стали — лед Невы.

Свистят полозья... Синий голубь
Взлетает, чтобы снова сесть,
И светится на солнце прорубь,
Как полированная жесьть.

Пушинки легкие, не тая,
Мелькают в ясной вышине, —
Какая бодрость золотая
И жизнь и счастье во мне!

Все пережитое в июле
Припоминается опять.
О, в день такой под вражьи пули,
Наверное, блаженство встать!

И слышать их полет смертельный,
И видеть солнце над собой,
Простор вдыхая беспредельный,
Морозный, дивно голубой.

* * *

Мы скучали зимой, влюблялись весной,
Играли в теннис мы жарким летом...
Теперь летим под медной луною,
И осень правит кабриолетом.

Уже позолота на вялых злаках,
А наша цель далека, близка ли?..
Уже охотники в красных фраках
С веселыми гончими — проскакали...

Стало дышать трудней и слаще...
Скоро, о скоро падешь бездыханным
Под звуки рогов в дубовой чаще
На вереск болотный — днем туманным!

ЛИТОГРАФИЯ

Америки оборванная карта
И глобуса вращающийся круг.
Румяный шкипер спорит без азарта,
Но горячится, не согласен друг.

И с полюса несется на экватор
Рука и синий выцветший обшлаг,
А солнца луч, летя в иллюминатор,
Скользит на стол, на кресло и на флаг.

Спокойно все. Слышна команда с рубки,
И шкипер хочет вымолвить — "Да брось"...
Но спорит друг. И вспыхивают трубки.
И жалобно скрипит земная ось.

* * *

Как я люблю фламандские панно,
Где овощи, и рыбы, и вино,
И дичь богатая на блюде плоском —
Янтарно-желтым отливают лоском.

И писанный старинной кистью бой —
Люблю. Солдат с блистающей трубой,
Клубы пороховые, мертвых груды,
И вздыбленные кони отовсюду!

Но тех красот желанней и милей
Мне купы прибрежных тополей,
Снастей узор и розовая пена
Мечтательных закатов Клод Лоррена.

О, празднество на берегу, в виду искусственного
моря,
Где разукрашены пестро причудливые корабли.
Несется лепет мандолин, и волны плещутся,
им вторя,
Ракета легкая взлетит и рассыпается вдали.

Пусть голубеют веера, вздыхают робкие свирели,
Пусть колышутся листья под розоватою луной,
И воскресает этот мир, как на поблекшей акварели, —
Запечатлел его поэт и живописец крепостной.

* * *

Пожелтевшие гравюры,
Рамок круглые углы,
И пастушки и амуры
Одинаково милы.

В окна светит вечер алый
Сквозь деревья в серебре,
Золотя инициалы
На прадедовском ковре.

Шелком крытая зеленым
Мебель низкая — тверда,
И часы с Наполеоном —
Все тридцатые года.

”Быть влюблену, быть влюблену” —
Мерно тикают часы.
Ах, зачем Наполеону
Подрисованы усы!

* * *

Беспокойно сегодня мое одиночество —
У портрета стою — и томит тишина.
Мой прапрадед Василий — не вспомню я отчества —
Как живой, прямо в душу — глядит с полотна.

Темно - синий камзол отставного военного,
Арапчонок у ног и турецкий кальян.
В заскорузлой руке — серебристого пенного
Круглый ковш. Только видно, помещик не пьян.

Хмурит брови седые над взорами карими,
Опустились морщины у темного рта.
Эта грудь, уцелев под столькими ударами
Неприятельских шашек, — тоской налита.

Что ж? На старости лет с сыновьями не справиться,
Иль плечам тяжелы прожитые года,
Иль до смерти мила крепостная красавица,
Что завистник-сосед не продаст никогда.

Нет, иное томит. Как сквозь полог затученный,
Прорезается белое пламя луны, —
Тихий призрак встает в подземелье замученной
Неповинной страдальицы — первой жены.

Не избыть этой муки в разгуле неистовом,
Не залить угрызения влагой хмельной...
Запершись в кабинете — покончил бы выстрелом
С невеселою жизнью, — да в небе темно.

И теперь, заклеянный семейным преданием,
Как живой, как живой, он глядит с полотна,
Точно нету прощенья его злодеяниям
И загробная жизнь, как земная — черна.

* * *

Как древняя ликующая слава,
Плывут и пламенеют облака,
И ангел с крепости Петра и Павла
Глядит сквозь них — в грядущие века.

Но ясен взор — и неизвестно, что там —
Какие сны, закаты, города —
На смену этим блеклым позолотам —
Какая ночь настанет навсегда!

* * *

Закат золотой. Снега
Залил янтарь.
Мне Гатчина дорога
Совсем как встарь.

Томительнее тоски
И слаще — нет,
С вокзала слышны свистки,
В окошке — свет.

Обманчивый свет зари
В окне твоём,
Калитку лишь отвори,
И мы — вдвоем.

Все прежнее: парк, вокзал...
А ты — на войне.
Ты только прости сказал,
Улыбнулся мне;

Улыбнулся в последний раз
Под стук колес,
И не было даже слез
У веселых глаз.

* * *

Не о любви прошу, не о весне пою,
Но только ты одна послушай песнь мою.

И разве мог бы я, о посуди сама,
Взглянуть на этот снег и не сойти с ума.

Обыкновенный день, обыкновенный сад,
Но почему кругом колокола звонят

И соловьи поют и на снегу цветы,
О почему, ответь, или не знаешь ты?

И разве мог бы я, о посуди сама,
В твои глаза взглянуть и не сойти с ума.

Не говорю поверь, не говорю услышь,
Но знаю — ты сейчас на тот же снег глядишь,

И за плечом твоим глядит любовь моя
На этот снежный рай, в котором ты и я.

* * *

Глядит печаль огромными глазами
На золото осенних тополей,
На первый треугольник журавлей,
И взмахивает слабыми крылами.
Малиновка моя, не улетай,
Зачем тебе Алжир, зачем Китай?

Трубит рожок, и почтальон румяный,
Вскочив в повозку, говорит: "Прощай".
А на террасе разливают чай
В большие неуклюжие стаканы.
И вот струю крутого кипятка
Последний луч позолотил слегка.

Я разленился. Я могу часами
Следить за перелетом ветерка
И проплывающие облака
Воображать большими парусами.
Скользит галера. Золотой грифон
Колеблется, на запад устремлен...

А школьница любовь твердит прилежно
Урок. Увы — лишь в повтореньи он!
Но в этот час, когда со всех сторон
Осенние листья шуршат так нежно
И встреча с вами дальше, чем Китай,
О грусть влюбленная, не улетай!

* * *

Тяжелые дубы, и камни, и вода,
Старинных мастеров суровые виденья,
Вы мной владеете. Дарите мне всегда
Все те же смутные, глухие наслажденья!

Я словно в сумерки из дома выхожу,
И ветер, злобствуя, срывает плащ дорожный,
И пена бьет в лицо. Но зорко я гляжу
На море, на закат багровый и тревожный.

О ветер старины, я слышу голос твой,
Взволнован, как матрос, надеждою и болью,
И знаю, там, в огне, над зыбью роковой
Трепещут паруса, пропитанные солью.

* * *

В середине сентября погода
Переменчива и холодна.
Небо, точно занавес. Природа
Театральной нежности полна.

Каждый камень, каждая былинка,
Что раскачивается едва,
Словно персонажи Метерлинка
Произносят странные слова:

— Я люблю, люблю и умираю ...
— Погляди — душа как воск, как дым ...
— Скоро, скоро к голубому раю
Лебедями полетим ...

Осенью, когда туманны взоры,
Путаница в мыслях, в сердце лед,
Сладко слушать эти разговоры,
Глядя в прозелень стоячих вод.

С чуть заметным головокруженьем
Проходить по желтому коврау,
Зажигать рассеянным движеньем
Папиросу на ветру.

* * *

Наконец-то повеяла мне золотая свобода,
Воздух, полный осеннего солнца, и ветра, и меда.

Шелестят вековые деревья пустынного сада,
И звенят колокольчики мимо идущего стада,

И молочный туман проползает по низкой долине...
Этот вечер однажды уже пламенел в Палестине.

Так же небо синело и травы дымились сырые
В час, когда пробиралась с младенцем в Египет Мария.

Смуглый детский румянец, и ослик, и кисть винограда...
Колокольчики мимо идущего звякали стада.

И на солнце, что гасло, павлиньи уборы отбросив,
Любовался, глаза прикрывая ладонью, Иосиф.

* * *

Зеленою кровью дубов и могильной травы
Когда-нибудь станет любовников томная кровь,
И ветер, что им шелестел при разлуке: "увы",
"Увы" прошумит над другими влюбленными вновь.

Прекрасное тело смешается с горстью песка,
И слезы в родной океан возвратятся назад...
— Моя дорогая, над нами бегут облака,
Звезда зеленеет и черные ветки шумят!

Зачем же тогда веселее земное вино
И женские губы целуют хмельней и нежней
При мысли, что вскоре рассеяться нам суждено
Летучею пылью, дождем, колыханьем ветвей...

* * *

Облако свернулось клубком,
Катится блаженный клубок,
И за голубым голубком
Розовый летит голубок.

Это угасает эфир!
Ты не позабудешь, дитя,
В солнечный, сияющий мир
Крылья, что простерты, летя...

Именем любовь назови!
Именем назвать не могу!
Имя моей вечной любви
Тает на февральском снегу!

* * *

Погляди, бледно-синее небо покрыто звездами,
А холодное солнце еще над водою горит,
И большая дорога на запад ведет облаками
В золотые, как поздняя осень, сады гесперид.

Дорогая моя, проходя по пустынной дороге,
Мы, усталые, сядем на камень и сладко вздохнем,
Наши волосы спутает ветер душистый, и ноги
Предзакатное солнце омоет прохладным огнем.

Будут волны шуметь, на песчаную мель набегая,
Разнесется вдали заунывная песнь рыбака...
Это все оттого, что тебя я люблю, дорогая,
Больше теплого ветра, и волн, и морского песка.

В этом томном, глухом и торжественном мире —
наш двоим,
Больше нет никого. Больше нет ничего. Погляди:
Потемневшее солнце трепещет, как сердце живое,
Как живое влюбленное сердце, что бьется в груди.

* * *

В меланхолические вечера,
Когда прозрачны краски увяданья,
Как разрисованные веера,
Вы раскрываетесь, воспоминанья.

Деревья жалобно шумят, луна
Напоминает бледный диск камней,
И эхо повторяет имена
Елизаветы или Саломеи.

И снова землю я люблю за то,
Что так торжественны лучи заката,
Что легкой кистью Антуан Ватто
Коснулся сердца моего когда-то.

КЛОД ЛОРРЕН

От сумрачного вдохновенья
Так сладко выйти на простор.
Увидеть море в отдаленьи,
Деревья и вершины гор.

Солоноватый ветер дышит,
Зеленоватый серп встает,
Насторожившись, ухо слышит
Согласный хор земли и вод.

Сейчас по голубой пустыне,
Поэт, для одного тебя,
Промчится отрок на дельфине,
В рожок серебряный трубя.

И тихо выступив из тени,
Плащом пурпуровым повит,
Гость неба встанет на колени
И сонный мир благословит.

* * *

Нищие слепцы и калеки
Переходят горы и реки,
Распевают песни про Алексея,
А кругом широкая Россия.

Солнце подымается над Москвою,
Солнце садится за Волгой,
Над татарской Казанью месяц,
Словно пленной турчанкой вышит.

И летят исправничьи тройки,
День и ночь грохочут заводы,
Из Сибири доходят вести,
Что Второе Пришествие близко.

Кто гадает, кто верит, кто не верит,
Солнце всходит и заходит ...
Вот осилим страдное лето,
Ясной осенью видно будет.

* * *

Не райская разноцветная птичка
Прилетала на кленовую ветку
Поклевать зерна золотого,
А заря веселая ударяла
В разноцветные стекла светлицы.
В той светлице постель стоит несмята,
Не горит лампада перед Спасом,
Держит муж ременную плетку,
А жена молодая плачет:
"Ты прости меня, дурную, помилуй,
Не клейми ты мои белые плечи!"

ПАВЛОВСКИЙ ОФИЦЕР

Был пятый час утра, и барабанный бой
Сливался с музыкой воинственно-манерной,
Он вел гвардейский взвод и видел пред собой
Деревья, мелкий снег и Замок Инженерный.

Желтела сквозь туман ноябрьская заря,
И ветер шелестел осенними шелками.
Он знал, что каждый день летят фельдъегеря
В морозную Сибирь, где звон над рудниками.

Быть может, это час отмеченный судьбой,
И он своих солдат неправильно расставил,
И гневно ждет его с трясущейся губой
На взмыленном коне самодержавный Павел.

Сослать немедленно! Вот царственный приказ!
И скачет адъютант с развернутой бумагой
К нему. А он стоит, не поднимая глаз,
С запятым гербом и сломанною шпагой.

— Здорово, молодцы! — Ответный крик в ушах,
Курносое лицо сквозь частый снег мелькнуло,
До завтра — пронесло! И отлетает страх
С торжественной волной приветственного гула.

* * *

На западе желтели облака,
Легки, как на гравюре запыленной,
И отблеск серый на воде зеленой
От каждого ложился челнока.

Еще не глохнул улиц водопад,
Еще шумел адмиралтейский тополь,
Но видел я, о влажный бог наяд,
Как невод твой охватывал Петрополь.

Сходила ночь блаженна и легка,
И сумрак розовый сгущался в синий,
И мне казалось, надпись по-латыни
Сейчас украсит эти облака.

* * *

Оттого и томит меня шорох травы,
Что трава пожелтеет и роза увянет,
Что твое драгоценное тело, увы,
Полевыми цветами и глиною станет.

Даже память исчезнет о нас ... И тогда
Оживет под искусными пальцами глина
И впервые плеснет ключевая вода
В золотое, широкое горло кувшина.

И другую, быть может, обнимет другой
На закате, в условленный час, у колодца ...
И с плеча обнаженного прах дорогой
Соскользнет и, звеня, на куски разобьется!

1921

* * *

Из белого олонецкого камня,
Рукою кустаря трудолюбивой
Высокого и ясного искусства
Нам явлены простые образцы.

И я гляжу на них в тревоге смутной,
Как, может быть, грядущий математик,
В ребячестве еще не зная чисел,
В учебник геометрии глядит.

Я разлюбил создания живописцев,
И музыка мне стала тяжким шумом,
И сон мой одолевает веки,
Когда я слушаю стихи друзей.

Но с каждым днем сильнее душа томится
Об острове зеленом Валааме,
О церкви из олонецкого камня,
О ветре, соснах и волне морской.

* * *

Над морем северным холодный запад гас,
Хоть снасти дальние еще пылали красным.
Уже звучал прибой и гальционы глас
Порывом осени холодным и ужасным.

В огромное окно с чудесной высоты
Я море наблюдал. В роскошном увяданьи,
В гармонии валов жило и пело ты,
Безумца Тернера тревожное создание.

В тумане грозовом дышалось тяжело...
Вдруг слава лунная, пробившись, озарила
Фигуру рыбака, и парус, и весло,
И яростью стихий раздутое ветрило!

* * *

1.

О сердце, о сердце,
Измучилось ты!
Опять тебя тянет
В родные скиты.

Где ясны криницы
В столетнем бору,
Родимые птицы
Поют поутру.

Чернеют овраги,
Грустит синева...
На дряхлой бумаге
Святые слова.

Бедны и напрасны
Все песни мои.
Так ясны, прекрасны
Святых житии.

Мне б синее утро
С молитвой встречать,
Спокойно и мудро
Работу начать.

И после отрады
Работы простой
Встречать у огады
Закат золотой.

Здесь горько томиться,
Забыться невмочь;
Там — сладко молиться
В янтарную ночь.

Чтоб ветер ветвями
В окошко стучал,
Святыми словами
Душе отвечал;

Чтоб лучик зеленый
Дрожал на полу,
И сладко иконы
Мерцали в углу.

2.

Снова теплятся лампы
Ярче звезд у алтаря.
В сердце сладостной отрады
Занимается заря.

Много здесь убогих, грешных
Ниц опущенных очей,
Много в памяти кромешных
Неотмоленных ночей.

Дышим мы на ладан росный,
Помним вечно про погост,
День скоромный или постный
Вечно нам Великий Пост.

Но недаром бьем поклоны,
Молим Бога чернецы:
Рай веселый, лог зеленый
Уж оставили гонцы.

Уж они коней торопят,
Тучам слушаться велят;
Все-то горести утопят,
Все-то муки исцелят.

3.

Я вывожу свои заставки.
Желанен сердцу милый труд,
Цветы пурпурные, а травки —
Как самый ясный изумруд.

Какое тихое веселье,
Как внятно краски говорят.
В окошко выбеленной кельи
Глядится тополь, милый брат.

Уж вечер. Солнце над рекою.
Пылят дорогою стада.
Я знаю — этому покою
Не измениться никогда.

Молитвы, книги, размышленья,
Да кисть в уверенной руке.
А горькое мое томленье —
Как горний облак вдалеке.

И сердце мудро ждет чего-то
Во имя, Господи, Твое.
Блеснет на ризах позолота,
И в монастырские ворота
Ударит Вестника копьё.

II.

1930 — 1958

* * *

Над закатами и розами —
Остальное все равно —
Над торжественными звездами
Наше счастье зажжено.

Счастье мучить или мучиться,
Ревновать и забывать.
Счастье нам от Бога данное,
Счастье наше долгожданное,
И другому не бывать.

Все другое только музыка,
Отражение, колдовство —
Или синее, холодное,
Бесконечное, бесплодное
Мировое торжество.

1930

* * *

Глядя на огонь или дремля
В опьянении полусонном —
Слышишь, как летит земля
С бесконечным, легким звоном.

Слышишь, как растет трава,
Как джаз-банд гремит в Париже —
И мутнеющая голова
Опускается все ниже.

Так и надо. Голову на грудь
Под блаженный шорох моря или сада.
Так и надо — навсегда уснуть,
Больше ничего не надо.

* * *

Не было измены. Только тишина.
Вечная любовь, вечная весна.

Только колыханье синеватых бус,
Только поцелуя солоноватый вкус.

И шумело только о любви моей
Голубое море, словно соловей.

Глубокое море у этих детских ног,
И не было измены — видит Бог.

Только грусть и нежность, нежность
вся до дна,
Вечная любовь, вечная весна.

* * *

Перед тем как умереть,
Надо же глаза закрыть.
Перед тем как замолчать,
Надо же поговорить.

Звезды разбивают лед,
Призраки встают со дна —
Слишком быстро настает
Слишком нежная весна.

И касаясь торжества,
Превращаясь в торжество,
Рассыпаются слова
И не значат ничего.

1930

* * *

Я слышу — история и человечество,
Я слышу — изгнание или отечество.

Я в книгах читаю — добро, лицемерие,
Надежда, отчаянье, вера, неверие.

И вижу огромное, страшное, нежное,
Насквозь ледяное, навек безнадежное.

И вижу беспамятство или мучение,
Где все, навсегда, потеряло значение.

И вижу, вне времени и расстояния, —
Над бедной землей неземное сияние.

1930

* * *

Теплый ветер веет с юга,
Умирает человек.
Это вьюга, это вьюга,
Это вьюга крутит снег.

"Пожалей меня, подруга,
Так ужасно умирать!"
Только ветер веет с юга,
Да и слов не разобрать.

— Тот блажен, кто умирает,
Тот блажен, кто обречен,
В миг, когда он все теряет,
Все приобретает он.

"Пожалей меня, подруга!"
И уже ни капли сил.
Теплый ветер веет с юга,
С белых камней и могил.
Заметает быстро вьюга
Все, что в мире ты любил.

1930

* * *

Балтийское море дымилось
И словно рвалось на закат,
Балтийское солнце садилось
За синий и дальний Кронштадт.

И так широко освещало
Тревожное море в дыму,
Как будто еще обещало
Какое-то счастье ему.

* * *

Черная кровь из открытых жил,
И ангел, как птица, крылья сложил...

Это было на слабом весеннем льду
В девятьсот двадцатом году.

Дай мне руку, иначе я упаду —
Так скользко на этом льду.

Над широкой Невой догорал закат,
Цепенели дворцы, чернели мосты —
Это было тысячу лет назад,
Так давно, что забыла ты.

* * *

Как в Грецию Байрон, о, без сожаленья,
Сквозь звезды, и розы, и тьму,
На голос бессмысленно-сладкого пенья...

— И ты не поможешь ему.

Сквозь звезды, которые снятся влюбленным,
И небо, где нет ничего,
В холодную полночь — платком надушенным...

— И ты не удержишь его.

На голос бессмысленно-сладкого пенья,
Как Байрон за бледным огнем,
Сквозь полночь и розы, о, без сожаленья...

— И ты позабудешь о нем.

* * *

Это только синий ладан,
Это только сон во сне,
Звезды над пустынным садом,
Розы на твоём окне.

Это то, что в мире этом
Называется весной,
Тишиной, прохладным светом
Над прохладной глубиной.

Взмахи черных весел шире,
Чище сумрак голубой —
Это то, что в этом мире
Называется судьбой.

То, что ничего не значит
И не знает ни о чем —
Только теплым морем плачет,
Только парусом маячит
Над обветренным плечом.

1930

* * *

В сумраке счастья неверного
Смутно горит торжество.
Нет ничего достоверного
В синем сияньи его.
В пропасти холода нежного
Нет ничего неизбежного,
Вечного нет ничего.

Сердце твое опечалили
Небо, весна и вода.
Легкие тучи растаяли
Легкая встала звезда.
Легкие лодки отчалили
В синюю даль навсегда.

1930

* * *

Начало небо меняться,
Медленно месяц проплыл,
Словно быстрее подняться
У него не было сил.

И розоватые звезды
На розовой дали
Сквозь холодеющий воздух
Ярче блеснуть не могли.

И погасить их не смела
И не могла им помочь,
Только тревожно шумела
Черными ветками ночь.

* * *

Когда-нибудь и где-нибудь,
Не все ли равно?
Но розы упадут на грудь,
Звезда блеснет в окно
Когда-нибудь...

Летит зеленая звезда
Сквозь тишину.
Летит зеленая звезда,
Как ласточка к окну —
В счастливый дом.

И чье-то сердце навсегда
Остановилось в нем.

* * *

В тринадцатом году, еще не понимая,
Что будет с нами, что нас ждет —
Шампанского бокалы подымая,
Мы весело встречали — Новый Год.

Как мы состарились! Проходят годы,
Проходят годы — их не замечаем мы...
Но этот воздух смерти и свободы
И розы, и вино, и холод той зимы
Никто не позабыл, о, я уверен.

Должно быть, сквозь свинцовый мрак,
На мир, что навсегда потерян,
Глаза умерших смотрят так.

* * *

Россия, Россия "рабоче-крестьянская"
И как не отчаяться! —
Едва началось твое счастье цыганское
И вот уж кончается.

Деревни голодные, степи бесплодные.
И лед твой не тронется —
Едва поднялось твое солнце холодное
И вот уже клонится.

1930

* * *

Хорошо, что нет Царя.
Хорошо, что нет России.
Хорошо, что Бога нет.

Только желтая заря,
Только звезды ледяные,
Только миллионы лет.

Хорошо — что никого,
Хорошо — что ничего,
Так черно и так мертво,

Что мертвее быть не может
И чернее не бывать,
Что никто нам не поможет
И не надо помогать.

1930

* * *

Холодно бродить по свету,
Холодней лежать в гробу.
Помни это, помни это,
Не кляни свою судьбу.

Ты еще читаешь Блока,
Ты еще глядишь в окно,
Ты еще не знаешь срока —
Все неясно, все жестоко,
Все навек обречено.

И, конечно, жизнь прекрасна,
И, конечно, смерть страшна,
Отвратительна, ужасна,
Но всему одна цена.

Помни это, помни это —
Каплю жизни, каплю света...

"Донна Анна! Нет ответа.
Анна, Анна! Тишина".

1930

* * *

Так тихо гаснул этот день. Едва
Блеснула медью чешуя канала,
Сухая, пожелтевшая листва
Предсмертным шорохом затрепетала.

Мы плыли в узкой лодке по волнам,
Нам было грустно, как всегда влюбленным,
И этот бледно-синий вечер нам
Казался существом одушевленным.

Как будто говорил он: я не жду
Ни счастья, ни солнечного света —
На этот бедный лоб немного льду,
Немного жалости на сердце это.

* * *

Как лед, наше бедное счастье растает,
Растает, как лед, словно камень утонет.
Держи, если можешь — оно улетает,
Оно улетит, и никто не догонит.

* * *

Январский день. На берегу Невы
Несется ветер, разрушеньем вея.
Где Олечка Судейкина, увы!
Ахматова, Паллада, Саломея?
Все, кто блистал в тринадцатом году —
Лишь призраки на петербургском льду.

Вновь соловьи засвищут в тополях,
И на закате, в Павловске иль Царском,
Пройдет другая дама в соболях,
Другой влюбленный в ментике гусарском...
Но Всеволода Князева они
Не вспомнят в дорогой ему тени.

* * *

Синеватое облако
(Холодок у виска) .
Синеватое облако
И еще облака...

И старинная яблоня
(Может быть, подождать?)
Простодушная яблоня
Зацветает опять.

Все какое-то русское —
(Улыбнись и нажми!)
Это облако узкое,
Словно лодка с детьми.

И особенно синяя
(С первым боем часов...)
Безнадежная линия
Бесконечных лесов.

* * *

В глубине, на самом дне сознания,
Как на дне колодца — самом дне —
Отблеск нестерпимого сиянья
Пролетает иногда во мне.

Боже! И глаза я закрываю
От невыносимого огня.
Падаю в него ...

И понимаю,
Что глядят соседи по трамваю
Странными глазами на меня.

* * *

Утро было как утро. Нам было довольно
приятно.
Чашки черного кофе были лилово-черны,
Скатерть ярко-бела и на скатерти рюмки
и пятна.

Утро было как утро. Конечно, мы были
пьяны.
Англичане с соседнего столика что-то
мычали —
Что-то о испытаньях великой союзной
страны.

Кто-то сел за рояль, и запел, и кого-то
качали...
Утро было как утро — розы дождливой
весны
Плыли в широком окне, ледяном океане
печали.

* * *

Медленно и неуверенно
Месяц встает над землей.
Черные ветки качаются,
Пахнет весной и травой.

И отражается в озере
И холодеет на дне
Небо слегка декадентское
В бледно-зеленом огне.

Все в этом мире по-прежнему.
Месяц встает, как вставал,
Пушкин именье закладывал
Или жену ревновал.

И ничего не исправила,
Не помогла ничему
Смутная, чудная музыка,
Слышная только ему.

* * *

Все розы, которые в мире цвели,
И все соловьи, и все журавли,

И в черном гробу восковая рука,
И все паруса и все облака,

И все корабли и все имена,
И эта забытая Богом страна!

Так черные ангелы медленно падали
в мрак,
Так черною тенью Титаник клонился
ко дну,
Так сердце твое оборвется когда-нибудь
— так
Сквозь розы и ночь, снега и весну ...

* * *

Россия счастье. Россия свет.
А может быть, России вовсе нет.

И над Невой закат не догорал,
И Пушкин на снегу не умирал,

И нет ни Петербурга, ни Кремля —
Одни снега, снега, поля, поля...

Снега, снега, снега... А ночь долга,
И не растают никогда снега.

Снега, снега, снега... А ночь темна,
И никогда не кончится она.

Россия тишина. Россия прах.
А может быть, Россия — только страх.

Веревка, пуля, ледяная тьма
И музыка, сводящая с ума.

Веревка, пуля, каторжный рассвет,
Над тем, чему названья в мире нет.

* * *

Только звезды. Только синий воздух,
Синий, вечный, ледяной.
Синий, грозный, сине-звездный
Над тобой и надо мной.

Тише, тише. За полярным кругом
Спят, не разнимая рук,
С верным другом, с неразлучным другом,
С мертвым другом мертвый друг.

Им спокойно вместе, им блаженно рядом...
Тише, тише. Не дыши.
Это только звезды над пустынным садом,
Только синий свет твоей души.

* * *

Это звон бубенцов издалека,
Это тройки широкий разбег,
Это черная музыка Блока
На сияющий падает снег.

...За пределами жизни и мира,
В пропастях ледяного эфира
Все равно не расстанусь с тобой!

И Россия, как белая лира
Над засыпанной снегом судьбой.

* * *

Над розовым морем вставала луна,
Во льду зеленела бутылка вина,

И томно кружились влюбленные пары
Под жалобный рокот гавайской гитары.

— Послушай. О, как это было давно,
Такое же море и то же вино.

Мне кажется, будто и музыка та же,
Послушай, послушай, — мне кажется даже...

— Нет, вы ошибаетесь, друг дорогой.
Мы жили тогда на планете другой,

И слишком устали, и слишком мы стары
Для этого вальса и этой гитары.

* * *

Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья.

Я верю не в непобедимость зла,
А только в неизбежность поражения,

Не в музыку, что жизнь мою сожгла,
А в пепел, что остался от сожженья.

* * *

Все неизменно и все изменилось
В утреннем холоде странной свободы.
Долгие годы мне многое снилось,
Вот я проснулся — и где эти годы!

Вот я иду по осеннему полю,
Все как всегда, и другое, чем прежде:
Точно меня отпустили на волю
И отказали в последней надежде.

* * *

Воскресают мертвецы,
Наши деды и отцы,
Пращуры и предки.

Рвутся к жизни, как птенцы
Из постылой клетки.

Вымирают города,
Мужики и господа,
Старички и детки.

И глядит на мир звезда
Сквозь сухие ветки.

* * *

Мертвый проснется в могиле,
Черная давит доска.
Что это? Что это? — Или
И воскресенье — тоска?

И воскресенье — унынье!
Скучное дело — домой...
Тянет Волюнью, полынью,
Тянет сумой и тюрьмой.

И над соломой избенок,
Сквозь косогоры и лес,
Жалобно плачет ребенок,
Тот, что сегодня воскрес.

* * *

Он спал, и Офелия снилась ему
В болотных огнях, в подвенечном дыму.

Она музыкальной спиралью плыла,
Как сон, отражали ее зеркала,

Как нимб, окружали ее светляки,
Как лес, вырастали за ней васильки...

...Как просто страдать! Можно душу отдать
И все-таки сна не уметь передать.
И зная, что гибель стоит за плечом,
Грустить ни о ком, мечтать ни о чем...

* * *

1.

Я не стал не лучше и не хуже.
Под ногами тот же прах земной,
Только расстоянье стало уже
Между вечной музыкой и мной.

Жду, когда исчезнет расстоянье,
Жду, когда исчезнут все слова,
И душа провалится в сиянье
Катастрофы или торжества.

2.

Что ж, поэтом долго ли родиться...
Вот сумей поэтом умереть!
Собственным позором насладиться,
В собственной бессмыслице сгореть!

Разрушая, снова начиная,
Все автоматически губя
В доказательство, что жизнь иная
Так же безнадежна, как земная,
Так же недоступна для тебя.

* * *

Холодно. В сумерках этой страны
Гибнут друзья, торжествуют враги.
Снятся мне в небе пустом
Белые звезды над черным крестом.
И не слышны голоса и шаги,
Или почти не слышны.

Синие сумерки этой страны...
Всюду, куда ни посмотришь — снега.
Жизнь положив на весы,
Вижу, что жизнь мне не так дорога.
И не страшны мне ночные часы,
Или почти не страшны...

* * *

Был замысел странно-порочен,
И все-таки жизнь подняла
В тумане — туманные очи
И два лебединых крыла.

И все-таки, тени качнулись,
Пока догорала свеча.
И все-таки струны рванулись,
Бессмысленным счастьем звуча...

* * *

Как туман на рассвете — чужая душа.
И прохожий в нее заглянул не спеша,
Улыбнулся и дальше пошел...

Было утро какого-то летнего дня.
Солнце встало, шиповник расцвел
Для людей, для тебя, для меня...

Можно вспомнить о Боге и Бога забыть,
Можно душу свою навсегда погубить,
Или душу навеки спасти —

Оттого, что шиповнику время цвести,
И цветущая ветка качнулась в саду,
Где сейчас я с тобою иду.

* * *

Лунатик в пустоту глядит,
Сиянье им руководит,
Чернеет гибель снизу.
И даже угадать нельзя,
Куда он движется, скользя,
По лунному карнизу.

Расстреливают палачи
Невинных в мировой ночи —
Не обращай вниманья.
Гляди в холодное ничто,
В сияньи постигая то,
Что выше пониманья.

* * *

Летний вечер прозрачный и грузный.
Встала радуга коркой арбузной,
Вьется птица — крылатый булыжник...
Так на небо глядел передвижник,
Оптимист и искусства подвижник.

Он был прав. Мы с тобою не правы.
Берегись декадентской отравы:
"Райских звезд", искаженного света,
Упоенья сомнительной славы,
Неизбежной расплаты за это.

* * *

С бесчеловечною судьбой
Какой же спор? Какой же бой?
Все это наважденье.

...Но этот вечер голубой —
Еще мое владенье.

И небо. Красно меж ветвей,
А по краям жемчужно...
Свистит в сирени соловей,
Ползет по травке муравей,
Кому-то это нужно.

Пожалуй, нужно даже то,
Что я вдыхаю воздух.
Что старое мое пальто
Закатом слева залито,
А справа тонет в звездах.

* * *

У входа в бойни, сквозь стальной туман,
Поскрипывая, полз подъемный кран,
И ледяная чешуя канала
Венецию слегка напоминала...

А небо было в розах и в огне
Таких, что сердце начинало биться...
Как будто все обещанное мне
Сейчас должно осуществиться.

* * *

В пышном доме графа Зубова
О блаженстве, о Италии
Тенор пел. С румяных губ его
Звуки, тая, улетали и...

За окном, шумя полозьями,
Пешеходами, трамваями,
Гаснул, как в туманном озере,
Петербург незабываемый.

Абжур зажегся матово
В голубой овальной комнате.
Нежно глядя пса лохматого,
Предсказала мне Ахматова:
"Этот вечер вы запомните".

* * *

Мелодия становится цветком,
Он распускается и осыпается,
Он делается ветром и песком,
Летящим на огонь весенним мотыльком,
Ветвями ивы в воду опускается...

Проходит тысяча мгновенных лет,
И перевоплощается мелодия
В тяжелый взгляд, в сиянье эполет,
В рейтузы, в ментик, в "Ваше благородие",
В корнета гвардии — о, почему бы нет?..

Туман... Тамань... Пустыня внемлет Богу.
— Как далеко до завтрашнего дня!..

И Лермонтов один выходит на дорогу,
Серебряными шпорами звеня.

* * *

Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица
И как это было давно.

Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны —
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны...

* * *

Торжественно кончается весна
И розы как в эдеме расцвели.
Над океаном блеск и тишина,
И в блеске — паруса и корабли...

...Узнает ли когда-нибудь она,
Моя невероятная страна,
Что было солью каторжной земли?

А впрочем, соли всюду грош цена,
Просыпали — метелкой подмели.

* * *

Так, занимаясь пустяками —
Покупками или бритьем —
Своими слабыми руками
Мы чудный мир воссоздаем.

И поднимаясь облаками
Ввысь — к небожителям на пир —
Своими слабыми руками
Мы разрушаем этот мир.

Туманные проходят годы,
И попережку дышим мы
То затхлым воздухом свободы,
То вольным холодом тюрьмы.

И принимаем попережку, —
С надменностью встречая их, —
То восхищенье, то насмешку
От современников своих.

* * *

Как обидно — чудным даром,
Божьим даром обладать,
Зная, что растратишь даром
Золотую благодать.

И не только зря растратишь,
Жемчуг свиньям раздаря,
Но еще к нему доплатишь
Жизнь, погубленную зря.

* * *

Свободен путь под Фермопилами
На все четыре стороны.
И Греция цветет могилами,
Как будто не было войны.

А мы — Леонтьева и Тютчева
Сумбурные ученики —
Мы никогда не знали лучшего,
Чем праздной жизни пустяки.

Мы тешимся самообманами,
И нам потворствует весна,
Пройдя меж трезвыми и пьяными,
Она садится у окна.

"Дыша духами и туманами,
Она садится у окна".
Ей за морями-океанами
Видна блаженная страна:

Стоят рождественские елочки,
Скрывая снежную тюрьму.
И голубые комсомолочки,
Визжа, купаются в Крыму.

Они ныряют над могилами,
С одной — стихи, с другой — жених...
...И Леонид под Фермопилами,
Конечно, умер и за них.

* * *

Я хотел бы улыбнуться,
Отдохнуть, домой вернуться...
Я хотел бы так немного,
То, что есть почти у всех,
Но что мне просить у Бога
И бессмыслица и грех.

* * *

Уплывают маленькие ялики
В золотой междупланетный омут.
Вот уже растаял самый маленький,
А за ним и остальные тонут.

На последней самой утлой лодочке
Мы с тобой качаемся вдвоем:
Припасли, дружок, немного водочки,
Вот теперь ее и разопьем...

* * *

В Петербурге мы сойдемся снова
Словно солнце мы похоронили в нем

О. Мандельштам

Четверть века прошло за границей
И надеяться стало смешным.
Лучезарное небо над Ниццей
Навсегда стало небом родным.

Тишина благодатного юга,
Шорох волн, золотое вино...

Но поет петербургская вьюга
В занесенное снегом окно,
Что пророчество мертвого друга
Обязательно сбыться должно.

* * *

Эти сумерки вечерние
Вспомнил я по воле случая.
Плыли в Костромской губернии
Тишина, благополучие.

Празднично цвела природа,
Словно ей обновку сшили:
Груши грузными корзинами,
Астры пышными охапками...
(В чайной "русского народа"
Трезвенники спирт глушили:
— "Внутреннего" — жарь резинами!
— Немца — закидаем шапками!)

И на грани кругозора,
Сквозь дремоту палисадников, —
Силуэты черных всадников
С красным знаменем позора.

* * *

Белая лошадь бредет без упряжки.
Белая лошадь, куда ты бредешь?
Солнце сияет. Платки и рубашки
Треплет в саду предвесенняя дрожь.

Я, что когда-то с Россией простился,
(Ночью навстречу полярной заре)
Не оглянулся, не перекрестился,
И не заметил, как вдруг очутился
В этой глухой европейской дыре.

Хоть поскучать бы... Но я не скучаю.
Жизнь потерял, а покой берегу.
Письма от мертвых друзей получаю
И, прочитав, с облегчением жгу
На голубом предвесеннем снегу.

* * *

Голубая речка,
Зябкая волна.
Времени утечка
Явственно слышна.

Голубая речка
Предлагает мне
Теплое местечко
На холодном дне.

* * *

Мне весна ничего не сказала —
Не могла. Может быть — не нашлась.
Только в мутном пролете вокзала
Мимолетная люстра зажглась.

Только кто-то кому-то с перрона
Поклонился в ночной синеве,
Только слабо блеснула корона
На несчастной моей голове.

* * *

Ветер с Невы. Леденеющий март.
Площадь. Дворец. Часовые. Штандарт.

...Как я завидовал вам, обыватели,
Обыкновенные люди простые:
Богоискатели, бомбометатели,
В этом дворце, в Чухломе ль, в каземате ли
Снились вам, в сущности, сны золотые...

В черной шинели, с погонами синими,
Шел я, не видя ни улиц, ни лиц.
Видя, как звезды встают над пустынями
Ваших волнений и ваших столиц.

* * *

Просил. Но никто не помог.
Хотел помолиться. Не мог.
Вернулся домой. Ну, пора!
Не ждать же еще до утра.

И вспомнил несчастный дурак,
Пощупав крепка ли петля,
С отчаяньем прыгая в мрак,
Не то, чем прекрасна земля,
А грязный московский кабак,
Лакея засаленный фрак,
Гармошки залиvistый вздор,
Огарок свечи, коридор,
На дверце два белых нуля.

* * *

Волны шумели: "Скорее, скорее!"
К гибели легкую лодку несли,
Голубоватые стебли порея
В красный туман прорастали с земли.

Горы дымились, валежником тлея,
И настигали их с разных сторон —
Лунное имя твоё, Лорелея,
Рейнская полночь твоих похорон.

...Вот я иду по осеннему саду
И папиросу несу, как свечу.
Вот на скамейку чугунную сяду,
Брошу окурок. Ногой растопчу.

* * *

Все на свете пропадает даром,
Что же Ты робеешь? Не робей!
Размозжи его одним ударом,
На осколки звездные разбей!

Отрави его горчичным газом
Или бомбами испепели —
Что угодно — только кончи разом
С мукою и музыкой земли!

* * *

Листья падали, падали, падали,
И никто им не мог помешать...
От гниющих цветов, как от падали,
Тяжело становилось дышать.

И неслоь светозарное пение
Над плескавшей в тумане рекой,
Обещая в блаженном успении
Отвратительный вечный покой.

* * *

Т. Г. Терентьевой

А еще недавно было все, что надо —
Липы и дорожки векового сада,
Там грустил Тургенев...

Было все, что надо,
Белые колонны, кабинет и зала —
Там грустил Тургенев...

И ему казалась
Жизнь стихотвореньем, музыкой, постелью,
Где, не грея, светит мировая слава,
Где еще нескоро сменится метелью
Золотая осень крепостного права.

* * *

И. О.

Распыленный миллионом мельчайших частиц
В ледяном, безвоздушном, бездушном эфире,
Где ни солнца, ни звезд, ни деревьев, ни птиц,
Я вернусь — отраженьем — в потерянном мире.

И опять в романтическом Летнем саду,
В голубой белизне петербургского мая
По пустынным аллеям неслышно пройду,
Драгоценные плечи твои обнимая.

* * *

И. О.

Отзовись, кукушечка, яблочко, змееныш,
Весточка, царапинка, снежинка, ручеек.
Нежности последыш, нелепости приемыш,
Кофе-чае-сахарный потерянный паек.

Отзовись, очухайся, пошевелись спросонок,
В одеяльной одури, в подушечной глуши,
Белочка, метелочка, косточка, утенок,
Ленточкой, веревочкой, чулочком задуши.

Отзовись, пожалуйста. Да, нет — не отзовется.
Ну и делать нечего. Проживем и так.
Из огня да в полымя. Где тонко там и рвется.
Палочка-стукалочка, полушка-четвертак.

* * *

Отвлеченной сложностью персидского ковра,
Суетливой роскошью павлиньего хвоста
В небе расцветают и темнеют вечера,
О, совсем бессмысленно и все же неспроста.

Голубая яблоня над кружевом моста
Под прозрачно призрачной верленовской луной —
Миллионнолетняя земная красота,
Вечная бессмыслица — она опять со мной.

В общем, это правильно, и я еще дышу.
Подвернулась музыка — ее и запишу.
Синей паутиною (хвоста или моста),
Линией павлиньей. И все же неспроста.

* * *

И. О.

Вся сиянье, вся непостоянство,
Как осколок погибшей звезды —
Ты заброшена в наше пространство,
Где тебе даже звезды чужды.

И летишь — в никуда, ниоткуда —
Обреченная вечно грустить,
Отрицать невозможное чудо
И бояться его пропустить.

* * *

И. О.

Ты не расслышала, а я не повторил.
Был Петербург, апрель, закатный час,
Сиянье, волны, каменные львы...
И ветерок с Невы
Договорил за нас.

Ты улыбалась. Ты не поняла,
Что будет с нами, что нас ждет.
Черемуха в твоих руках цвела...
Вот наша жизнь прошла,
А это не пройдет.

III.

**ИЗ СТИХОВ, НЕ ВОШЕДШИХ В ПРИЖИЗНЕННЫЕ
СБОРНИКИ Г. ИВАНОВА**

* * *

Это только бессмысленный рай,
Только песен растерянный лад —
Задыхайся, душа, и сгорай,
Как закатные розы горят.

Задыхайся от нежных утрат
И сгорай от блаженных обид —
Это только сияющий ад,
Золотые сады Гесперид.

Это — над ледяною водой —
Это — сквозь холодеющий мрак —
Синей розой, печальной звездой
Погибающий светит маяк.

[20 -е гг. ?]

* * *

Я люблю эти снежные горы
На краю мировой пустоты.
Я люблю эти синие взоры,
Где, как свет, отражаешься ты.
Но в бессмысленной этой отчизне
Я понять ничего не могу.
Только призраки молят о жизни,
Только розы цветут на снегу,
Только линия вьется кривая,
Торжествуя над снежно-прямой,
И шумит чепуха мировая,
Ударяясь в гранит мировой.

[1930 ?]

* * *

Упал крестоносец средь копий и дыма,
Упал, не увидев Иерусалима.

У сердца прижата стальная перчатка,
И на ухо шепчет ему лихорадка:

Зароют, зароют в глубокую яму,
Забудешь, забудешь Прекрасную Даму,

Забудешь все Божье и все человеческое...
И львиное сердце дрожит как овечье.

[40-е гг.]

* * *

Видишь мост. За этим мостом
Есть тропинка в лесу густом.
Если хочешь — иди по ней
Много тысяч ночей и дней.
Будешь есть чернику и мох,
Будут ноги твои в крови —
Но зато твой последний вздох
Долетит до твоей любви.

Видишь дом. Это дом такой,
Где устали ждать покой,
Тихий дом из синего льда,
Где цветут левкой всегда.
...Поглядишь с балкона на юг,
Мост увидишь и дальний лес,
И не вспомнишь даже, мой друг,
Что твой свет навсегда исчез.

1946

* * *

Россия тридцать лет живет в тюрьме,
На Соловках или на Колыме.

И лишь на Колыме и Соловках
Россия та, что будет жить в веках.

Все остальное — планетарный ад,
Проклятый Кремль, злосчастный Сталинград —
Заслуживает только одного:
Огня испепеляющего его.

[40-е гг.]

* * *

Несколько поэтов. Достоевский.
Несколько царей. Орел двуглавый.
И — державная дорога — Невский...
Что нам делать с этой бывшей славой?
Бывшей, павшей, обманувшей, сгнившей...

...Широка на Соловки дорога,
Где народ, свободе изменивший,
Ищет в муках Родину и Бога.

[40-е гг.]

СТАНСЫ

Родная моя земля, — за что тебя погубили?
Зинаида Гиппиус.

I.

1.

Судьба одних была страшна,
Судьба других была блестяща.
И осеняла всех одна
России сказочная чаша.

2.

Но Император сходит с трона,
Прощая все, со всем простясь,
И меркнет русская корона,
В февральскую скатившись грязь.

3.

...Двухсотмиллионная Россия, —
"Рай пролетарского труда",
Благоухает борода

.....

4.

Погоны светятся, как встарь,
На каждом красном командире,
И на кремлевском троне "царь"
В коммунистическом мундире.

5.

...Протест, сегодня бесполезный, —
Победы завтрашней залог!
Стучите в занавес железный,
Кричите: "Да воскреснет Бог!"

II.

1.

...И вот лежит на пышном пьедестале
Меж красных звезд в сияющем гробу
"Великий из великих" — Оська Сталин,
Всех цезарей превозойдя судьбу.

2.

И перед ним в почетном карауле
Стоят народа меньшие "отцы",
Те, что страну в бараний рог согнули, —
Еще вожди, но тоже мертвецы.

3.

Какие отвратительные рожи,
Кривые рты, нескладные тела:
Вот Молотов. Вот Берия, похожий
На вурдалака, ждущего кола...

4.

В безмолвии у сталинского праха
Они дрожат. Они дрожат от страха,
Угрюмо морща некрещеный лоб, —
И перед ними высится, как плаха,
Проклятого вождя — проклятый гроб.

[1953]

* * *

Деревья, автомобили,
Лягушки в пруду поют.
...Сегодня меня убили,
Завтра тебя убьют.

Ну мало ли что бывает,
Мало ли что бывало —
Вот облако проплывает,
Проплывает, как проплывало ...

[1954 ?]

* * *

Истории зловещий трюм,
Где наши поколения маются,
Откуда наш шурум-бурум
К вершинам жизни поднимается,

И там на девственном снегу
Ложится черным слоем копоты...
"Довольно! Больше не могу!" —
Поставьте к стенке и ухлопайте!

1955

* * *

Жизнь продолжается рассудку вопреки.
На южном солнышке болтают старики:
— Московские балы... Симбирская погода...
Великая война... Керенская свобода...
И — скоро сорок лет у Франции в гостях.

Жужжанье в черепах и холодок в костях.
— Масонский заговор... Особенно евреи...
Печатались? А где? В каком Гиперборее?

...На мутном солнышке покой и благодать,
Они надеются, уже недолго ждать —
Воскреснет твердый знак, вернутся ять с фитою
И засияет жизнь эпохой золотою.

[1955]

* * *

И сорок лет спустя мы спорим,
Кто виноват и почему.
Так, в страшный час над Черным морем
Россия рухнула во тьму.

Гостинодворцы, царедворцы
Во всю спасались рысь и прыть;
Безмолвствовали чудотворцы
Не в силах чуда совершить.

И начался героев — нищих
Голгофский путь и торжество.
Непримиримость все простивших,
Не позабывших ничего.

[1956 ?]

* * *

За столько лет такого маянья
По городам чужой земли
Есть от чего прийти в отчаянье,
И мы в отчаянье пришли.

— В отчаянье, в приют последний,
Как будто мы пришли зимой
С вечерни в церковке соседней
По снегу русскому домой.

1958

* * *

Теперь бы чуточку беспечности,
Взглянуть на Павловск из окна.
А рассуждения о вечности...
Да и кому она нужна?

Не избежать мне неизбежности,
Но в блеске августовского дня
Мне хочется немного нежности
От ненавидящих меня.

[1958]

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ю. Кублановский. — Голос, обретенный от скорби.</i>	7
--	---

I. 1914 — 1922

В небе над дымными долами...	16
Я не любим никем! Пустая осень!..	17
Книжные украшения (5)	18
Письмо в конверте...	23
Зимние праздники (3)	24
Мы скучали зимой...	29
Литография	30
Как я люблю фламандские панно...	31
О, празднество на берегу...	32
Пожелтевшие гравюры...	33
Беспокойно сегодня мое одиночество...	34
Как древняя ликующая слава...	36
Закат золотой...	37
Не о любви прошу...	38
Глядит печаль огромными глазами...	39
Тяжелые дубы, и камни, и вода...	40
В середине сентября погода...	41
Наконец-то повеяла мне...	42
Зеленою кровью дубов...	43
Облако свернулось клубком...	44

Погляди, бледно-синее небо...	45
В меланхолические вечера...	46
Клод Лоррен	47
Нищие слепцы и калеки...	48
Не райская разноцветная птичка...	49
Павловский офицер	50
На западе желтели облака...	51
Оттого и томит меня шорох травы...	52
Из белого олонецкого камня...	53
Над морем северным холодный запад гас...	54
О сердце, о сердце...	55
Снова теплятся лампы...	57
Я вывожу свои заставки...	58

II. 1930 — 1958

Над закатами и розами...	60
Глядя на огонь или дремля...	61
Не было измены. Только тишина...	62
Перед тем, как умереть...	63
Я слышу — история и человечество...	64
Теплый ветер веет с юга...	65
Балтийское море дымилось...	66
Черная кровь из открытых жил...	67
Как в Грецию Байрон...	68
Это только синий ладан...	69
В сумраке счастья неверного...	70
Начало небо меняться...	71
Когда-нибудь и где-нибудь...	72
В тринадцатом году...	73
Россия, Россия "рабоче-крестьянская"...	74
Хорошо, что нет Царя...	75
Холодно бродить по свету...	76
Так тихо гаснул этот день...	77

Как лед, наше бедное счастье...	78
Январский день. На берегу Невы...	79
Синеватое облако...	80
В глубине, на самом дне сознания...	81
Утро было как утро...	82
Медленно и неуверенно...	83
Все розы, которые в мире цвели...	84
Россия счастье. Россия свет...	85
Только звезды, только синий воздух...	86
Это звон бубенцов издалика...	87
Над розовым морем...	88
Друг друга отражают зеркала...	89
Все неизменно и все изменилось...	90
Воскресают мертвецы...	91
Мертвый проснется в могиле...	92
Он спал, и Офелия снилась ему...	93
Я не стал не лучше и не хуже...	94
Холодно. В сумерках этой страны...	95
Был замысел странно-порочен...	96
Как туман на рассвете...	97
Лунатик в пустоту глядит...	98
Летний вечер прозрачный и грузный...	99
С бесчеловечною судьбой...	100
У входа в бойни...	101
В пышном доме графа Зубова...	102
Мелодия становится цветком...	103
Эмалевый крестик в петлице...	104
Торжественно кончается весна...	105
Так, занимаясь пустяками...	106
Как обидно — чудным даром...	107
Свободен путь под Фермопилами...	108
Я хотел бы улыбнуться...	109
Уплывают маленькие ялики...	110
Четверть века прошло за границей...	111

Эти сумерки вечерние...	112
Белая лошадь бредет без упряжки...	113
Голубая речка...	114
Мне весна ничего не сказала...	115
Ветер с Невы. Леденеющий март...	116
Просил. Но никто не помог...	117
Волны шумели: "Скорее, скорее!"...	118
Все на свете пропадает даром...	119
Листья падали, падали, падали...	120
А еще недавно...	121
Распыленный миллионом мельчайших частиц...	122
Отзовись, кукушечка...	123
Отвлеченной сложностью персидского ковра...	124
Вся сиянье, вся непостоянство...	125
Ты не расслышала, а я не повторил...	126

III. Из стихов, не вошедших в прижизненные сборники Георгия Иванова

Это только бессмысленный рай...	128
Я люблю эти снежные горы...	129
Упал крестоносец средь копий и дыма...	130
Видишь мост. За этим мостом...	131
Россия тридцать лет живет в тюрьме...	132
Несколько поэтов. Достоевский...	133
Стансы (II)	134
Деревья, автомобили...	137
Истории зловещий трюм...	138
Жизнь продолжается рассудку вопреки...	139
И сорок лет спустя мы спорим...	140
За столько лет такого маянья...	141
Теперь бы чуточку беспечности...	142
Я не хочу быть куклой восковой...	143

ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 11 MARS 1987
PAR L'IMPRIMERIE
DE LA MANUTENTION
A MAYENNE
N° 9821

"ИЗБРАННАЯ ПОЭЗИЯ"

Полные собрания сочинений поэтов безусловно необходимы. Но не каждому они доступны, и часто, за полнотой, широкому читателю трудно распознать основное. Серия "Избранная поэзия" ставит себе целью дать в пределах приблизительно 100 стихотворений самое главное из широкого наследия лучших русских поэтов. Для поэтов XX века составители, по мере возможности, будут приближаться к тому "идеальному" выбору, который соответствовал бы желаниям автора.

Вышли из печати:

1. Осип Мандельштам (2-е изд., сост. Н. А. Струве)
2. Зинаида Гиппиус (сост. Т. А. Пахмусс)
3. Сергей Клычков (сост. М. Нике)
4. Николай Гумилев (сост. В. П. Бетаки)
5. Георгий Иванов (сост. Ю. М. Кублановский)

Готовятся к печати:

6. Борис Пастернак (сост. Л. С. Флейшман)
7. Николай Клюев (сост. Б. А. Филиппов)